

ВВЕДЕНИЕ

Среди историков античной философии в настоящее время весьма распространено стремление объяснить каждый онтологический уровень в системе Плотина, исходя из соотношения «единое—многое» на данном уровне. Такой подход весьма продуктивен, так как позволяет поставить множество проблем, связанных с «увеличением множественности» на низшем онтологическом уровне по отношению к высшему, а также с самим происхождением «низшего», что традиционно обозначается как «процесс эманации». Однако этот подход не исчерпывает всего богатства учения Плотина.

Важнейшее, что остаётся «за бортом» такого подхода — это понимание первоначала как Блага; но такое понимание очень важно для понимания системы Плотина в целом. Благо же Плотин понимает как «абсолютно свободное действие». Поэтому без понимания того, что Плотин понимал под «свободой», корректная реконструкция концепции первоначала у Плотина не может быть осуществлена.

Однако понимание того, что Плотин подразумевает под свободой, является довольно сложной задачей, вследствие чего по этому поводу имеется множество взаимоисключающих мнений среди современных историков философии. С учётом концепции свободы строится концепция каждой ипостаси¹ системы Плотина, но нелегко вычленишь то общее, что свойственно «свободе» на всех «уровнях» системы Плотина, без чего мы не можем окончательно понять, что такое «свобо-

¹Мы традиционно рассматриваем в качестве ипостасей Единое, Ум и Душу. Мы делаем это для того, чтобы не запутывать читателей, привыкших именно к такому употреблению термина «ипостась», когда речь идёт о системе Плотина. Тем не менее более продуманной нам кажется позиция Ю. А. Шичалина [75], который резонно замечает, что Единое = Благо находится «выше сущности», оно «сверхсуществует» и в этом смысле — «сверхипостасийно». Ипостасями же тогда следует считать Ум, Душу и Природу.

да» на каждом «уровне», в том числе что такое «абсолютная свобода» первоначала. Поэтому *прояснение концепции свободы Плотина позволит более полно излагать и понимать его систему.*

Разумеется, учёт «абсолютной свободы» первоначала как Блага окажет влияние на наше понимание свободы деятельности Ума и человека. Благодаря исследованию «общей» концепции свободы станет возможным дать более квалифицированный ответ на вопрос о том, можно ли говорить о признании Плотинем «свободы воли» человека, что характерно для многих христианских авторов, и если нечто подобное имеет место в учении Плотина, то можно ли говорить о согласованности человеческой свободы с Промыслом и Судьбой? Ни стоикам, ни средним платоникам не удалось их согласовать, и для Плотина эта проблема была также весьма значимой. Поэтому *исследование человеческой свободы в системе Плотина является весьма важной задачей истории философии;* от корректности такого исследования непосредственно зависит корректность решения множества историко-философских проблем.

Благодаря рассмотрению первоначала как Блага могут появиться и новые основания для сопоставления Плотина с предшествующими философами; поэтому может быть более чётко выявлена оригинальность учения Плотина. Кроме того, могут появиться новые основания для оценки возможного применения платоновских концепций последующими мыслителями. Учитывая интерес современной философии к свободе, случайности и детерминизму, можно предположить, что реконструкция *целостной* концепции свободы у Плотина может быть полезной даже современным философам. Тем не менее до сих пор отсутствуют работы, в которых осуществляется реконструкция учения Плотина о свободе как целостного и придающего один и тот же смысл понятию свободы на всех «уровнях» его онтологии.

Число историков философии, занимавшихся и занимающихся философией Плотина, огромно. Наибольшее количество современных работ посвящено разнообразным аспектам первоначала — его познаваемости (H. A. Wolfson, 1952 [252]; H. R. Schlette, 1966 [226]; R. Mortley, 1975 [167]; L. Pelloux, 1994 [182]), пониманию его единства в сопоставлении с его «беспре-

дельностью» (*W. N. Clarke*, 1952 [122]; *L. Sweeney*, 1957 [235]; *W. N. Clarke*, 1959 [121]; *W. Theiler* (1970) [238]; *C. D'Ancona*, 1990 [126]; *J. Talanga*, 1990 [236]; *D. Nikulin*, 1998 [172]). Здесь для темы нашего исследования представляет интерес вопрос о том, можно ли сказать, что беспредельность и беспредельная свобода первоначала совместимы с его единством, и в каком смысле следует тогда понимать «неизречимость» первоначала? Существуют также работы (к сожалению, их не очень много), специально посвящённые второму важнейшему аспекту первоначала — его «благости» (*J. Katz*, 1950 [158]; *W. Hiroch*, 1963 [156]; *J.-L. Chrétien*, 1980 [115]; *G. Vahanian*, 1983 [244]; *C. Seel*, 1989 [231]; *G. Siegman*, 1990 [232]). Нас здесь интересует совместимость понимания первоначала как «абсолютно единого» как «неограниченного» или «беспредельного» (в том числе — по своей свободе) с его «благостью». Много статей посвящены связи Единого Плотина и платоновского «единого» в диалоге «Парменид». Это, например, статьи *E. R. Dodds*, 1927 [130], *É. Bréhier*, 1938 [108], *J. M. Rist* 1962 [220; 221], *J. H. Heiser*, 1991 [153] и *G. M. S. J. Gurtler*, 1992 [147]. Нас здесь интересует сочетание единства платоновского первоначала с его абсолютной свободой и независимостью даже от своей сущности. Все поставленные нами вопросы охватываются следующим вопросом: «Свободно ли Единое быть тем, что оно есть?». Имеется более или менее явная полемика между теми, кто отвечает на этот вопрос «да» (например, *V. Cilento*, 1963 [117]; *L. Westra*, 1990 [248]) и теми, кто отвечает «нет» (например, *A. H. Armstrong*, 1937 [87]; *J. M. Rist*, 1967 [216]).

В значительном числе работ анализируется вторая ипостась; рассматриваются соотношения между эйдосами (*P. Hadot*, 1960 [148]; *J. M. Rist*, 1971 [222]), выявляются те отношения, в которых эйдосы «суть то, что они суть» благодаря самим себе, независимо от других эйдосов, причём особое значение для анализа свободы у Плотина имеет его подход к проблеме «сознания» или «самосознания», реконструируемый многими интерпретаторами (*H.-R. Schwyzer*, 1960 [230]; *E. W. Warren*, 1964 [246]; *A. Smith*, 1978 [234]; *F. M. Schröder*, 1986 [227]; *G. Wald*, 1990 [245]; *L. Ph. Gerson*, 1997 [138; 137]; *S. Rappe*, 1997 [202]), так как в системе Плотина «свобода» чего-либо невозможна без наличия у него «мышления» и

«знания». Также анализируется «умная материя», «неопределённая двоица» и её «независимость» от Единого (*J. M. Rist*, 1961 [215]; *J. M. Rist*, 1962 [219]; *G. Bruni*, 1963 [111]; *Ю. А. Шучалин*, 1978 [77]; *A. Smith*, 1981 [233]; *K. Corrigan*, 1986 [123]; *P. O'Reilly*, 1989 [178]; *D. O'Brien*, 1991 [177]), происхождение Ума (*A. H. Armstrong*, 1937 [87]; *J. M. Rist*, 1971 [222]; *J. H. Fielder*, 1976 [136]; *M. Boutin*, 1983 [107]; *G. Reale*, 1983 [206]; *J. Bussanich*, 1988 [112]; *H. Pasqua*, 1993 [181]). Проблема, известная также как проблема эманации Ума из Единого, очень тесно связана с пониманием свободы Ума и первоначала, ибо мы должны попытаться ответить здесь на вопрос: «Свободно или нет Единое творит Ум?». Имеет место полемика между теми историками философии, которые признают свободу первоначала при творении им Ума (например, *V. Cilento*, 1963 [117]; *L. Westra*, 1990 [248]), и теми, кто в той или иной форме признаёт необходимость этого (например, *G. P. Gorman*, 1940 [142]; *J. M. Rist*, 1967 [216]; *D. Nikulin*, 1998 [172]). Статья *L. Ph. Gerson*, 1993 [139] в некотором смысле противостоит и тем, и другим, так как в ней утверждается, что Единое вообще не участвует в получении миром Ума своих сущностей (эйдосов) как «вот-этих» эйдосов, т. е. Единое не «формирует» мир Ума, лишь «наделяя существованием» любые «формы». Также существуют работы, в которых утверждается необходимость «обращения» Ума к Единому (например, *J. M. Rist*, 1962 [219]), и работы, подчёркивающие свободу действия Ума (например, *P. Henry*, 1931 [154]; *V. Cilento*, 1963 [117]).

Уделяется также значительное внимание и проблемам понимания третьей ипостаси — возникновения Души и чувственного мира, соотношения между душами, соотношения «умного» и чувственного мира, структуры индивидуальной души. Здесь для нас представляет интерес решение вопроса о том, насколько свободно «падение» душ в чувственный мир. Признание такой свободы характерно для работ, анализирующих собственно душу, которая всегда содержит в себе источник своего движения (*G. J. P. O'Daly*, 1973 [174]; *J. M. Rist*, 1983 [212]; *G. M. S. J. Gurtler*, 1997 [146]), а отрицание — для работ, пытающихся рассматривать процесс «падения» влётённым в общий «порядок» системы Плотина (*A. H. Armstrong*, 1940 [90]; *M. Andolfo*, 1994 [82]).

В настоящее время историки философии склоняются к

тому, чтобы признать наличие в Уме «эйдосов единичных» (*J. M. Rist*, 1963 [210]; *H. J. Blumenthal*, 1966 [101]; *A. H. Armstrong*, 1977 [88]; *J. M. Rist*, 1982 [211]; *J. Dillon*, 1988 [128]; *A. Madigan*, 1990 [162]; *E. K. Emilsson*, 1994 [131]; С. Мельник, 1999 [35]), что косвенно свидетельствует в пользу признания того, что «падение» душ совершается именно из Ума (следовательно, без принуждения со стороны мировой души), но вопрос о том, свободно или «по естественной необходимости» души покидают мир Ума всё ещё открыт.

Рассматриваются также проблемы Промысла и Логоса (*Ch. Parma*, 1971 [180]; *F. Turlot*, 1985 [243]), реконструируется платиновский вариант теории «переселения душ» (*A. N. M. Rich*, 1957 [208]). Уделяется внимание соотношению чувственной материи с «умной материей» и со злом в чувственном мире (*J. M. Rist*, 1961 [215]). Нас здесь интересует вопрос о том, в какой мере душа, находящаяся в чувственном мире, свободна, в том числе — несёт ли она ответственность за зло, присутствующее в чувственном мире (эта точка зрения поддерживается в работах: *A. N. M. Rich*, 1957 [208]; *D. O'Brien*, 1971 [176]; *J. M. Rist*, 1975 [217]);), или всё зло и несовершенство следует полагать неизбежным результатом необходимого процесса возникновения умного и чувственного миров (*G. H. Clark*, 1943 [120])? Можем ли мы полагать, что «восхождение» душ свободно (эта точка зрения поддерживается в статье *L. Westra*, 1984 [249]), или, напротив, диктуется идущим из бесконечности рядом перевоплощений (*G. H. Clark*, 1943 [120])? Далее, каким образом свобода душ в чувственном мире согласуется с необходимостью, Судьбой и Провидением, также, по мнению Плотина, присутствующими в чувственном мире? Многие исследователи полагают, что ответ Плотина на этот вопрос неоднозначен (*P. Henry*, 1931 [154]; *A. H. Armstrong*, 1940 [90]), что, с нашей точки зрения, является отказом рассматривать учение Плотина в качестве продуманной философской системы. Поэтому мы полагаем, что в этом направлении необходимо продолжать исследования.

Итак, мы видим, что современные интерпретаторы дают противоречивые ответы на вопросы, связанные со свободой на всех уровнях системы Плотина. Ответ на вопрос о свободе в действии любой ипостаси и соответствующего ей «ми-

ра» оказывается неоднозначным. Но в специальных работах, посвящённых тому или иному аспекту «свободы» у Плотина (*T. Gollwitzer*, 1902 [141]; *P. Marrucchi*, 1935 [163]; *G. P. Gorman*, 1940 [142]; *J. M. Rist*, 1975 [217]; *L. Ph. Gerson*, 1996 [140, гл. 12]), и даже в тех, где реконструируется концепция свободы «в целом», во всей системе Плотина (*P. Henry*, 1931 [154]; *R. Régnier*, 1948 [207]; *J. Trouillard*, 1949 [241]; *V. Cilento*, 1963 [117]; *V. Cilento*, 1970 [118]; *V. Cilento*, 1973 [119]; *L. Westra*, 1990 [248]), хотя и утверждается наличие «свободы» на всех онтологических уровнях, тем не менее не предложено такого единого понимания «свободы», которое было бы применимо ко всему, что полагается Платином в той или иной степени «свободным».

Итак, можно сделать вывод, что работа по реконструкции концепции свободы у Плотина ещё не закончена, если, конечно, полагать учение Плотина серьёзной философской системой, в целом логически согласованной и использующей устойчивую терминологию.

Необходимой частью процедуры реконструкции учения Плотина о свободе будет являться наша интерпретация его суждений по значимым для настоящего исследования вопросам, основывающаяся на наших собственных переводах соответствующих текстов из «Эннеад».

Общий подход к реконструкции позиции Плотина по какому-либо вопросу будет заключаться в том, что из возможных интерпретаций будут предпочитаться те, которые не противоречат пониманию первоначала как Блага, определению «свободного» и другим исходным положениям системы, приведённым в первых двух главах, а также те, которые не ведут к какой-либо другой несогласованности. Большое внимание будет уделяться анализу используемой Платином терминологии. При рассмотрении терминов, используемых Платином в различных контекстах, мы будем пытаться дать им такую интерпретацию, чтобы их значение было одинаковым во всех контекстах.

Таким образом, наши усилия будут направлены на достижение ясного, последовательного и терминологически выверенного изложения роли в системе Плотина интересующих нас понятий, необходимых для реконструкции концепции свободы у Плотина. В основе нашей реконструкции будет лежать

интерпретация названной концепции как *целостной*, что, в свою очередь, будет основываться на нашей интерпретации соответствующих текстов из «Эннеад».

Для достижения поставленной цели нам придется уделить большое внимание уточнению существующих переводов, необходимых для исследования текстов из «Эннеад». Переводы цитируемых фрагментов осуществлены автором по изданию Анри—Швицера (P. Henry et H. R. Schwyzer, T. I–III, 1951–1973 [194]). При этом использовались переводы Плотина на латинский [193], французский [190], английский [195; 192] и русский языки.

Глава I

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА СВОБОДУ У ПЛОТИНА

Здесь мы предлагаем краткий обзор значений терминов «свобода», «воля», «то, что от нас» и «смежных» терминов во всей системе Плотина и указание на использование этих терминов некоторыми предшественниками Плотина, что в какой-то степени позволит уточнить их значение и выявить оригинальность платиновской мысли. Рассмотрение связи этих терминов с другими ключевыми понятиями системы Плотина, а также попытка изложения всей системы с учётом платиновской концепции свободы будут представлены в следующих главах.

§ 1. Проблема «многозначности» свободы у Плотина в современных реконструкциях

Здесь мы постараемся привести те значения «свободы» во всей системе Плотина, которые предлагаются некоторыми современными интерпретаторами. Мы попытаемся указать на те недостатки, которые, с нашей точки зрения, присутствуют в этих реконструкциях. В дальнейшем наши усилия будут сосредоточены на преодолении этих недостатков.

Разумеется, тема свободы весьма часто звучит во многих исследованиях, посвящённых философии Плотина. Однако работ, рассматривающих не какой-либо один аспект платиновской «свободы», а изучающих её на всех онтологических уровнях системы и претендующих на *полную* реконструкцию платиновского учения о свободе, не так уж много. Мы выделили трёх авторов, проведших наиболее обстоятельное исследование